JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
IRSTI 03.20.00

https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.95.113

The role of the Katvan and Talas kurultais in the military-political confrontation of the Chinggisid uluses in the second half of the 60s of the 13th century

A. Porsin✉
Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Kazakhstan
✉*porsinart@gmail.com*

Abstract. This article analyzes military and political events in Central Asia in the second half of the 1260s related to the confrontation between the Ögedeid ruler Kaidu and the Chagatayid Khan Borak. Particular attention is paid to the Katvan and Talas Kurultais, traditionally viewed in historiography as key milestones in the collapse of the Mongol Empire. The relevance of this study is determined by the presence of serious contradictions in narrative sources (primarily those of Rashid ad-Din and Wassaf) and the lack of a unified reconstruction of the chronology and political significance of these assemblies. Objectives. The purpose of this study is to reconstruct the course and political significance of the Katvan and Talas Kurultais in the context of the power struggle in Transoxiana and adjacent regions. To achieve this goal, the following objectives are addressed: identifying discrepancies in the descriptions of kurultais in the main written sources; determining the number and dating of kurultais; analyzing the composition of their participants and the decisions made; and assessing the role of the Ulus of Jochi and the Khan Kublai Khan in the events under consideration. Materials and Methods. The source base of the study consists of the works of Rashid ad-Din, Wassaf, Chinese materials from the Yuan Shi, as well as data from the Eastern and European historiographic traditions and numismatic evidence. Methodologically, the work is based on comparative historical and source analysis, a comparison of narrative traditions, and the reconstruction of political processes taking into account seasonal chronology and the context of inter-ulus relations. Results. As a result of the study, the position of the existence of two separate kurultais: Katvan (1267) and Talas (1269) is substantiated. It is shown that the Qatvan Kurultai formally confirmed Borak's defeat and Kaidu's dominance in Transoxiana, while the Talas Kurultai formally improved Borak's position by formalizing the division of the region and the decision to wage a joint campaign against the Ilkhanate. It is established that these decisions were tactical in nature and were used by Kaidu and Mengu-Timur to eliminate Borak as a political rival. Conclusions. It is concluded that the Qatvan and Talas Kurultais did not represent acts of final disintegration of the Mongol Empire, but rather were elements of a complex interdynastic struggle and political intrigue. The formal decisions of the Talas Kurultai, while advantageous to Borak, in reality led to his isolation and subsequent defeat. The role of Kublai Khan was manifested in maintaining imperial legitimacy through a system of yarliks and diplomatic missions, demonstrating the continued importance of pan-imperial institutions in the late 13th century.

Keywords: Qatvan Kurultai; Talas Kurultai; Kaidu; Borak; Mongol Empire; Ulus of Jochi

© A. Porsin, 2025

For citation: Porsin A. The role of the Katvan and Talas kurultais in the military-political confrontation of the Chinggisid uluses in the second half of the 60s of the 13th century. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.95-113. *https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.95.113*

Funding: This article was prepared within the framework of the program targeted funding of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN BR24992878 "Study of the ethnopolitical and socio economic history of the Ulus of Jochi in the 13th-15th centuries.

XIII ғасырдың 60-жылдарының екінші жартысындағы Шыңғыс құрылтайларының рөлі

А. Порсин
Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Мақала 1260 жылдардың екінші жартысында Орта Азиядағы Огедей билеушісі Қайду мен Шағатай ханы Борак арасындағы қақтығысқа байланысты әскери-саяси оқиғаларды талдауға арналған. Тарихнамада Моңғол империясының құлауындағы негізгі кезеңдер ретінде дәстүрлі түрде қарастырылатын Катван және Талас құрылтайларына ерекше назар аударылады. Зерттеудің өзектілігі баяндау дереккөздерінде (негізінен Рашид ад-Дин мен Вассафтың дереккөздерінде) күрделі қайшылықтардың болуына және бұл жиналыстардың хронологиясы мен саяси мағынасының бірыңғай қайта құрылуының болмауына байланысты. Мақсаты мен міндеттері. Зерттеудің мақсаты - Мауераннахр мен оған іргелес аймақтардағы билік үшін күрес аясында Катван және Талас құрылтайларының барысы мен саяси маңызын қайта құру. Бұл мақсатқа жету үшін келесі міндеттер шешіледі: негізгі жазбаша дереккөздердегі құрылтайлардың сипаттамасындағы сәйкессіздіктерді анықтау; құрылтайлардың саны мен мерзімін анықтау; оларға қатысушылардың құрамын және қабылданған шешімдерді талдау; Қарастырылып отырған оқиғалардағы Жошы ұлысы мен Хубилай ханның рөлін бағалау. Материалдар мен әдістер. Зерттеудің дереккөз базасы Рашид ад-Диннің, Уассафтың еңбектерінен, «Юань ши» қытайлық материалдарынан, сондай-ақ Шығыс және Еуропа тарихнамалық дәстүрлерінен алынған деректерден және нумизматикалық дәлелдерден тұрады. Әдістемелік тұрғыдан алғанда, жұмыс салыстырмалы тарихи және дереккөздік талдауға, баяндау дәстүрлерін салыстыруға және маусымдық хронология мен ұлысаралық қатынастардың мәнмәтінін ескере отырып, саяси процестерді қайта құруға негізделген. Зерттеу екі бөлек құрылтайдың: Катван (1267) және Талас (1269) болғандығы туралы ұстанымды негіздейді. Катван құрылтайында Боректың жеңілісі және Мауераннахрда Қайдудың үстемдігі жазылғаны, ал Талас құрылтайында Боректың жағдайы ресми түрде жақсарғаны, аймақтың бөлінуін және Илхандар мемлекетіне қарсы бірлескен жорық туралы шешім қабылданғаны көрсетілген. Бұл шешімдердің тактикалық сипатта екені және Қайду мен Менгу-Тимурдың Боракты саяси қарсылас ретінде жою үшін пайдаланғаны анықталды. Қорытынды. Катван және Талас құрылтайлары Моңғол империясының соңғы ыдырауын білдірмеген, керісінше күрделі әулетаралық күрес пен саяси интриганың элементтері болғаны туралы қорытынды жасалды. Талас құрылтайының ресми шешімдері Борак үшін тиімді болғанымен, шын мәнінде оның оқшаулануына және кейіннен жеңіліске ұшырауына әкелді. Құбылай ханның рөлі ярликтер мен дипломатиялық миссиялар жүйесі арқылы империялық заңдылықты сақтауда көрінді, бұл 13 ғасырдың аяғында панимпериялық институттардың маңыздылығының жалғасып келе жатқанын көрсетеді.

Түйін сөздер: Катван құрылтайы; Талас құрылтайы; Қайду; Борак; Моңғол империясы; Жошы ұлысы

Роль Катванского и Таласского курултаев в военно-политическом противостоянии чингизидских улусов во второй половине 60-х годов XIII века

А. Порсин
Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу военно-политических событий в Центральной Азии второй половины 1260-х годов, связанных с противостоянием угедеидского правителя Кайду и чагатаидского хана Борака. Особое внимание уделяется Катванскому и Таласскому курултаям, традиционно рассматриваемым в историографии как ключевые вехи распада Монгольской империи. Актуальность исследования обусловлена наличием серьезных противоречий в нарративных источниках (прежде всего у Рашид ад-Дина и Вассафа) и отсутствием единой реконструкции хронологии и политического смысла данных собраний. Цель и задачи. Целью исследования является реконструкция хода и политического значения Катванского и Таласского курултаев в контексте борьбы за власть в Мавераннахре и сопредельных регионах. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: выявление расхождений в описании курултаев в основных письменных источниках; определение количества и датировки курултаев; анализ состава их участников и принятых решений; оценка роли улуса Джучи и каана Хубилая в рассматриваемых событиях. Материалы и методы. Источниковую базу исследования составляют сочинения Рашид ад-Дина, Вассафа, китайские материалы «Юань ши», а также данные восточной и европейской историографической традиции и нумизматические свидетельства. Методологически работа основана на сравнительно-историческом и источниковедческом анализе, сопоставлении нарративных традиций и реконструкции политических процессов с учетом сезонной хронологии и контекста межулусных отношений. В результате исследования обосновано положение о существовании двух отдельных курултаев: Катванского (1267 г.) и Таласского (1269 г.). Показано, что Катванский курултай зафиксировал поражение Борака и доминирование Кайду в Мавераннахре, тогда как Таласский курултай формально улучшил позиции Борака, закрепив раздел региона и решение о совместном походе против Ильханата. Установлено, что данные решения носили тактический характер и были использованы Кайду и Менгу-Тимуром для устранения Борака как политического конкурента. Выводы. Сделан вывод о том, что Катванский и Таласский курултаи не являлись актами окончательного распада Монгольской империи, а представляли собой элементы сложной междинастической борьбы и политической интриги. Формальные решения Таласского курултая, выгодные для Борака, в действительности привели к его изоляции и последующему поражению. Роль каана Хубилая проявлялась в сохранении имперской легитимации через систему ярлыков и дипломатических миссий, что свидетельствует о продолжавшейся значимости общеимперских институтов в конце XIII века.

Ключевые слова: Катванский курултай; Таласский курултай; Кайду; Борак; Монгольская империя; Улус Джучи

Для цитирования: Порсин А. Assimilation of the Kipchaks in Hungary in the 13th-18th Centuries. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.2, no.2, pp.95-113. *https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.95.113*

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации программы программно-целевого

финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН BR24992878 «Изучение этнополитической и социально-экономической истории Улуса Джучи в XIII-XV вв.»

Введение

В историографии Таласский курултай 1269 года традиционно рассматривается как одно из ключевых событий, оформивших распад Монгольской империи и превращение чингизидских улусов в фактически независимые политические образования. Вместе с тем подобная трактовка опирается преимущественно на отдельные сообщения нарративных источников и не учитывает всей сложности военно-политических процессов, происходивших в Центральной Азии во второй половине 1260-х годов. Особую проблему представляет наличие существенных противоречий в сведениях Рашид ад-Дина и Вассафа, касающихся датировки, места проведения, состава участников и политических последствий курултаев, связанных с противостоянием Кайду и Борака. В результате в современной историографии отсутствует единая реконструкция событий, предшествовавших Таласскому курултаю и последовавших за ним, а также остается дискуссионным вопрос о количестве подобных собраний в рассматриваемый период. В этой связи особую актуальность приобретает анализ Катванского и Таласского курултаев как взаимосвязанных этапов борьбы за контроль над Мавераннахром и сопредельными территориями.

Материалы и методы

Ключевыми источниками для данного данного исследования являются «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина и «Китаб таджзийат аль-амсар ва тазджият аль-асар» Вассафа. Они содержат наибольшую часть информации о произошедших событиях, в то же время их описания сильно противоречат друг другу. В качестве дополнительных материалов привлечены данные китайской династической хроники «Юань ши» и данные нумизматики. В работе использовано несколько основных методологических подходов. Ключевыми являются сравнительно-исторический и источниковедческий анализ двух упомянутых выше текстов, написанных в единой историографической традиции Ильханата. Полученная на этой основе реконструкция событий была соотнесена с данными других независимых источников. Важным методологическим положением, на которое опирается исследование, стало представление о наличии определённых политических мотивов и цензурных ограничений, в рамках которых персидские историки описывали данные события.

Литературный обзор

В историографии начиная с В.В. Бартольда, закрепилось представление о том, что Таласский курултай 1269 года стал событием, оформившим распад Монгольской империи на улусы, официально независимые от власти каана (Бартольд 1964: 69; Сафаргалиев 1960:

53; Султанов 2006: 72-73; Почекаев, 2010: 40). В отношении улуса Кайду эта точка зрения была оспорена М. Биран. Она справедливо отметила, что нет никаких свидетельств того, что именно после курултая 1269 года Кайду провозгласил себя ханом. В реальности это произошло в 1271 году после смерти Борака и фактического подчинения улуса Чагатая улусу Угедея во главе с Кайду. В «Юань ши» есть смутное упоминание о некоем послании северо-западных князей Хубилаю, в котором они обвиняли каана в нарушении старых обычаев и проведении политики китаизации. Но его точная датировка этого послания затруднительна, и оно обычно датируется по косвенным признакам. Общий его контекст позволяет заключить, что речь идет о восстании царевичей в Западной Монголии в середине - второй половине 70-х годов XIII века, известном как смута Шireки (Biran 1997: 24-29, 31-32, 144).

В целом на настоящий момент первая точка зрения является абсолютно доминирующей. Считается, что и улус Джучи под властью Менгу-Тимура и улус Угедея под властью Кайду именно в этот момент провозгласили себя независимыми государствами. Проблема состоит в том, что в трудах Рашид ад-Дина и Вассафа, которые являются базовыми источниками по теме, казалось бы описываются взаимоисключающие картины событий. Поэтому, на настоящий момент отсутствует непротиворечивая реконструкция хода политических событий, которые привели к Таласскому курултаю и которые за ним последовали. Наглядной иллюстрацией этого утверждения является отсутствие ясности в вопросе о том, сколько курултаев произошло во второй половине 60-х годов - один или два? Впервые А. де'Оссон предположил, что имели место два курултая – в 1267 году в Катване, согласно Вассафу, и в 1269 году в Таласе. Согласно Рашид да-Дину (D'Ohsson 1834-1835: 428). Но, эта идея была раскритикована В.В. Бартольдом и не получила популярности. В историографии устоявшимся стало представление об одном курултае. Обычно, в соответствии с данными Рашид ад-Дина, говорят о Таласском курултае 1269 года (Бартольд 1943: 64; Караев 1995: 22; Biran 1997: 28, 30; Султанов 2006: 72-73).

Здесь стоит определиться с терминологией. Понятие «суверенитет», часто используемое для описания последствий Таласского курултая, было введено в научный оборот Ж. Боденом в XVI веке. Автор определял его, как абсолютную и вечную власть, принадлежащую государю. Он противопоставлял ее власти вассальных правителей, губернаторов, наместников, которые правили по воле абсолютного монарха (Bodin 1955: 356). Хотя этот работа Ж. Бодена создавалась еще в реалиях сословной монархии, она предвосхитила возникновение абсолютизма, став для него мощной теоретической базой. Здесь мы не будем углубляться в вопрос о том, как со временем развивалась и изменялась концепция суверенитета.

Важно отметить два момента. Во-первых, суверенитет или государственная независимость – это теоретическое понятие. На практике, даже в наше время существует достаточное количество политических образований, к которым оно может быть применено лишь частично. Поэтому нередко исследователи говорят о реальном и формальном суверенитете. Реальный суверенитет – это фактическая независимость государства, возможность самостоятельно осуществлять внутреннюю и внешнюю политику. Формальный суверенитет – это набор символов и актов, которые провозглашают независимость на юридическом уровне. Во-вторых, как и большинство понятий, возникших и активно используемых в Новое и Новейшее время, суверенитет или

независимости применим к более ранним эпохам весьма условно. В традиционных властных отношениях была вполне типичной ситуация, при которой правитель или полития находились в двойном или даже тройном соподчинении, временами меняли их, при этом сохраняя полную или весьма значительную реальную независимость.

Что касается Монгольской империи и ее отдельных улусов, то на этот счет существуют две противоположные точки зрения. В советской и постсоветской историографии ее распад обычно рассматривается по аналогии с распадом монархических империй и формированием на их территории новых национальных государств. Последние были независимы друг от друга не только фактически, но и юридически. Во многом поэтому конструкт «Таласский курултай 1269 года – дата официального распада Монгольской империи» стал очень популярен для национальных историографий постсоветского пространства. Любой национальной истории жизненно необходима точка отсчета, отделяющая историю нации от истории всего остального.

Другая точка зрения была сформулирована западными исследователями. Наиболее яркой в этом плане является статья М. Биран и И. Ланда «Чингизидский кризис середины XIV века: причины и последствия». В ней авторы демонстрируют, что распад Монгольской империи был сложным, многогранным процессом и датируют его серединой XIV века. До этого момента существовало так называемое «Монгольское содружество», номинально возглавляемое кааном – империя Юань, Золотая Орда, Ильханат, улус Чагатая, улус Угедея. Это единство обеспечивалось прежде всего генеалогией и идеологией, в центре которых находилась фигура Чингиз-хана (Biran, Landa 2024: 1-21).

Результаты

Стоит согласиться с авторами в том, что «юридический» распад Монгольской империи был вряд ли возможен до момента физического исчезновения большей части чингизидских улусов. Вся легитимность правителей Чингизидов была основана на фигуре основателя империи и на единстве правящего рода. Безусловно в первой половине 60-х годов XIII века в результате междоусобной войны между Хубилаем и Ариг-Бугой, в которую так или иначе включились правители всех крупных улусов, перестала существовать административная система управления единой империей. Это выразилось прежде всего в прекращении функционирования общеимперских курултаев и визитов к каану вассалов улусных ханов, для подтверждения их полномочий. Но это не значит, что Pax Mongolica перестал быть единым целым в «юридическом» смысле. Ярким тому подтверждение являются регулярные попытки Чингизидов вернуть былое единство.

К примеру, Берке в начале 60-х годов вел боевые действия против каана Хубилая, и поддерживавших его Чагатаида Алгуя и главы Ильханата Хулагу. При этом он признавал кааном Ариг-Бугу – конкурента Хубилая. Но после того, как в августе 1264 года Ариг-Буга капитулировал, Хубилай остался единственным кааном, которого признавали главы улусов Чагатая, Угедея и Хулагу. После этого позиция Берке резко изменилась. Согласно Рашид ад-Дину, хан улуса Джучи признал власть Хубилая и согласился прибыть на общеимперский курултай в Монголию, который должен был состояться в год зайца (1266). На нем же должны были присутствовать Алгуй и Хулагу (Рашид ад-Дин 1960: 167-168; Thackston 1998-199: 435). Вряд ли Берке действительно планировал посещать ставку

Хубилая. Но важно, что в конце своего правления он номинально признавал его власть.

Летом 1280 года умер хан Менгу-Тимур. Согласно Рашид ад-Дину, пришедший к власти хан Туда-Менгу вместе с Ногаем и внуком Орды - Коничи отправил Хубилаю сообщениее: «мы покоряемся и все явимся на ку-рилтай» (Рашид ад-Дин 1960: 167-168; Thackston 1998-199: 436). В конечном итоге переговоры о примирении ни к чему не привели и курултай не состоялся. Тем не менее, примирение враждующих чингизидских домов в 1282 – первой половине 1283 года обсуждалось вполне конкретно. Об этом говорит письмо ильхана Ахмада египетскому султану, отправленное из Тебриза в мае-июне 1283 года. В нем он сообщал, что отправил посольства «к нашим братьям «Нукай-ака, Туда-Манку и другим» с предложением о мире (Pfeiffer 2006: 168-169, 180).

Враждующие улусы номинально объединились и признали власть каана Тэмура в 1304 году, в скоре после смерти хана улуса Угедея Кайду. В письме 1305 года ильхана Олджайту королю Франции Филиппу IV сообщалось: «Но теперь Небо внушило нам мысль о том, что мы, Тимур-каан, Токтоа, Чапар и Тога (Дуа), мы и другие потомки Чингис-хакана должны положить конец брани, продолжавшейся сорок пять лет до сих пор, и теперь, благодаря Небу, все наши братья хорошо уживаются вместе и притом из земли китайцев, где восходит солнце, до моря Талу, мы соединили наши почтовые линии вместе, чтобы объединить наши государства. Мы дали друг другу слово, что, если кто-нибудь из нас станет неверным, мы все вместе выступим против него» (Biran 1997: 72).

О важности официального признания власти улусного хана юаньским кааном даже во времена Узбека сообщается в «Тарихи Олджайту» Кашани. Судя по всему, речь идет о событиях 1313 года. Хан улуса Чагатая Исан-Буга находился в состоянии войны с кааном Баянту: «Он отправил Узбеку сообщение, в котором говорилось, что каан сказал: «Узбек не достоин быть правителем». Узбек разгневался, услышав эти горькие слова, и восстал против каана. Близкий к нему эмир сказал Узбеку: «Если хочешь знать мое мнение, не бунтуй против каана, потому что он – тень Бога, и, следуя за ним, ты сможешь господствовать над всеми народами и держаться в стороне от всех проблем. Лучше дружить и следовать за ним». После этого разговора Узбек отказался от альянса с Исан-Бугой. Он отправил посольство к Баянту и объявил о своем подчинении, а затем посольство в Иран к ильхану Олджайту в котором предлагал ему мир (Biran 1997: 73).

Можно заключить, что в XIII веке улусные ханы вполне могли не признавать законность правления конкретного каана, но они не отрицали и не могли отрицать самого института каанства. Хотя в реальности отдельные улусы с течением времени становились все более самостоятельными в политическом и военном плане, на уровне идеологии, политической символики и правовых норм империя сохраняла свое единство вплоть до середины XIV века.

Наиболее популярным среди исследователей является описание событий 60-х гг., которое Рашид ад-Дин приводит в «Рассказе о прибытии Борака…» в разделе, посвященном истории Хулагуидов. Согласно этой версии, в определенный момент Борак оказался в состоянии конфликта как с Хубилаем, так и с Кайду. Сначала подчиненные ему войска совершили поход в Восточный Туркестан. После того как нойон Хубилая Коничи был выбит оттуда, Борак «достиг могущества» и решил начать войну с Кайду и ханом улуса Джучи Менгу-Тимуром. В сражении на Сырдарье войско Кайду и Кыпчака (третьего сын Кадана и внука Угедея) было разгромлено. Узнав об этом, Менгу-Тимур

отправил на помощь Кайду своего дядю Беркечара (сына Джучи и единоутробного брата Берке) с пятидесятитысячной армией. Борак потерпел поражение, и вернулся в Мавераннахр, решив разорить регион.

Первоначально Кайду, Кыпчак и Беркечар собирались выбить Борака оттуда. Но, опасаясь разорения региона, они решили пойти с ним на переговоры. Роль парламентера сыграл Кыпчак, у которого когда-то были с Бораком дружеские отношения. На встрече, которая, судя по контексту, произошла в Самарканде, Кыпчак предложил Бораку мир. Последний в ответ сослался на несправедливость текущего распределения владений между Чингизидами и враждебные намерения Кайду и Менгу-Тимура. Было решено провести курултай, состоявшийся весной 1269 года в районе Таласа и Кенджека. На нем царевичами были приняты следующие решения: 1 – раздел между сторонами летних и зимних пастбищ, а также расселение в горах и степях (то есть запрет на пребывание кочевников в городах Мавераннахра); 2 –раздел Мавераннахра, в соответствии с котором две трети его территории переходили Бораку, а одна треть – в совместное владение Кайду и Менгу-Тимура; 3 – было принято решение о вторжении Борака в Ильханат для расширения его владений.

Готовясь к войне с Абагой, Борак связался с Чагатаидом Некудером, сыном Муджи Яя, находившимся на службе в Ильханате. Его владения располагались в Грузии, но сам он находился при Абаге и возглавлял тумен. Согласно Рашид ад-Дину, первое тайное послание Борака к Некудеру датируется 666 г.х. (1267-1268 год), то есть временем до Таласского курултая. Но из дальнейшего повествования становится ясно, что переписка между ними продолжалась достаточно долго. Некудер ушел в Грузию. Какое-то время Абага пытался вызвать его к себе, но безуспешно. В конце концов ильхан отправил против него войско. Некудер попытался сбежать через Дербент, но был разбит Ширамуном, сыном Чормагана. В апреле-мае 1270 года он вынужден был сдаться Абаге. В источнике подчеркивается то, что Дербент, являвшийся границей улуса Джучи на Кавказе, не случайно был выбран Некудером в качестве направления бегства. Планируя мятеж, он заявлял: «Я имею намерение через Дербент соединиться с Бораком».

Борак после Таласского курултая потребовал у Абаги передать ему Бадгис. Получив отказ, он с армией двинулся в Хорасан. По договору, вероятно, заключенному в Таласе, он потребовал от Кайду военной помощи. Последний отправил на помощь Бораку Угедеидов Кыпчака и Чапата (сына Наку и внука Гуюка) вместе с их войсками. Рашид ад-Дин подчеркивает, что Кайду изначально приказал Кыпчаку и Чапату под каким-либо предлогом вернуться до столкновения с Абагой. Вторжение Борака в Хорасан произошло в 1270 году.

Затем Рашид ад-Дин описывает конфликт Джалаиртая, одного из нойонов Борака, и Кыпчака. Невмешательство Борака дало Кыпчаку хороший повод для того, чтобы покинуть его войско, как и приказывал ему Кайду до начала вторжения. Он покинул армию, оставив собственную семью и ставку, и ушел с двумя тысячами воинов. Борак отправил за Кыпчаком погоню, но она окончилась неудачей. Тем не менее, Борак не рискнул обострением отношений с Кайду, и вернул Кыпчаку его орду и людей. Сразу после этого Кыпчак известил Абагу о своем возвращении, и между ильханом и Кайду установились мирные отношения. Вскоре от Борака ушел Чапат. Но, несмотря на уход Угедеидов, Борак все еще располагал большой армией. 19 мая 1270 года он разорил Нишапур. После этого начались переговоры о сдаче Герата. Нойоны Борака озвучивали

планы наступления на Тебриз и Багдад, то есть о захвате всех территорий Ильханата.

Абага выступил из Азербайджана в конце апреля 1270 года во главе огромной армии. В пути к Абаге доставили гонца по имени Текечек, отправленного к нему Хубилаем. Он был схвачен людьми Борака, но сумел бежать. Текечек рассказал о положении войск противника, и о том, что Борак не знает о подавлении мятежа Некудера, а значит, все еще рассчитывает на его поддержку. Получив эти известия, Абага ускорил продвижение своего войска. Дойдя до Багдиса, он отправил к Бораку посла, извещая противника о том, что он лично возглавляет войско и готов к сражению. Получив послание, Борак и его полководцы спорили в основном о том, действительно ли подошедшее войско возглавляет сам Абага или, возможно, это дезинформация его полководцев. И сам Борак, и его нойоны склонялись ко второму варианту. Они были уверены, что Абага не может находиться в Хорасане. Хотя здесь автор объясняет эту уверенность тем, что Абага должен был отправиться в поход на Египет и Сирию, последующие события позволяют заключить, что у нее были другие основания.

Абага планировал воспользоваться тем обстоятельством, что Борак и его полководцы не верили в то, что он лично привел армию с Южного Кавказа в Хорасан, и рассчитывали столкнуться только с местными контингентами под командованием царевича Тубшина и Аргун-аки. Выбрав местность, подходящую для того, чтобы заманить армию Борака в засаду, Абага применил хитрость. В плен к его людям попали разведчики из вражеского войска. Они были направленны Бораком для того, чтобы узнать, действительно ли прибывшую в Хорасан армию возглавляет сам Абага. В присутствии пленников была разыграна сцена, в ходе которой Абаге якобы сообщили о вторжении огромного войска Менгу-Тимура через Кавказ и оккупации им всей территории от Дербента до Армении и Диярбекра. Абага сделал вид, что испуган и притворно объявил о срочном уходе своей армии из Хорасана в Азербайджан. Он также приказал казнить пленников, однако при этом, по договоренности с охраной, один из них должен был быть оставлен в живых и суметь бежать. План Абаги сработал, и бежавший разведчик сообщил Бораку о произошедшем. Последний, ничего не заподозрив, легко поверил в наступление Менгу-Тимура, и отдал приказ своей армии преследовать противника. Недалеко от Герата войско Борака попало в засаду, организованную Абагой (Рашид ад-Дин 1946: 68-69; Thackston 1998-1999: 520-531).

Возникает ощущение, что слухи о вторжении армии улуса Джучи в Ильханат через Кавказ распространялись целенаправленно. Вполне возможно, что ситуация, описанная Рашид ад-Дином, не была единичной. Именно так можно объяснить возникновение неподтвержденного другими источниками сообщения Ибн Касира, согласно которому в 1270-1271 годах до египетского султана дошли известия о том, что войска Менгу-Тимура нанесли поражение армии Абаги (История Казахстана в арабских источниках 2005: 205). Судя по тому, что в сообщении отсутствует упоминание о посольстве, доставившем эти сведения в Египет, информация дошла до Каира не по официальным дипломатическим каналам, а в качестве слухов. Она могла отражать распространяемую Абагой дезинформацию. Р. Амитай понимает это сообщение именно как недостоверные и смутные отголоски войны в Хорасане (Amitai-Preiss 1995: 88).

Абага вернулся в Азербайджан с победой. В это время к нему прибыло посольство от Хубилая, доставившее ему ярлык на престол Ильханата. Вторая официальная

интронизация Абаги состоялась 27 ноября 1270 года. На празднества по случаю этого события прибыло посольство из улуса Джучи, от Менгу-Тимура. Послы, выразившие поздравления и доставившие подарки, были приняты очень радушно (Рашид ад-Дин 1946: 68-69; Thackston 1998-1999: 535).

Согласно Вассафу, Кайду двинулся с войсками из Таласа и Кенджека, и разгромил армию Борака на реке Ходженд. Борак бежал в Бухару. Он приказал своим войскам разграбить города Мавераннахра, но после переговоров с городской элитой ограничился введением экстренного военного налога и повинностью на ремесленников-оружейников. Так он готовился к новой войне. Спустя какое-то время к Бораку прибыл Кыпчак с посланием от Кайду, в котором он предлагал переговоры. Борак согласился, после чего состоялся пир в Катванской степи (Катванский курултай) недалеко от Самарканда. На нем Борак и Кайду облачились в одежды друг друга. Стороны заключили мир. Также было принято решение о разделе Мавераннахра между Кайду и Бораком на крайне невыгодных для Чагатаида условиях. В Бухаре и Самарканде у каждого царевича должен был находиться военный отряд и принадлежащий ему двор. Судя по контексту, речь идет о владениях, размеры которых были установлены ранее, еще до войны. Армия Борака должна была располагаться на летовках и зимовках, то есть не входить в города и не разорять их. Более того, в соответствии с новыми договорённостями, Бухару от Борака отделяли владения Кайду, на которых располагалось подчиненное ему войско. Однако сразу после Катванского курултая Кайду был вынужден был покинуть Мавераннахр из-за наступления армии Менгу-Тимура, которое он должен был отразить. После ухода Кайду Борак вновь вернулся в Бухару. Все эти события автор датирует 1267 годом. Сразу после их описания идет сообщение о прибытии Масуд-бека к Абаге в конце 1267 года. Оно совпадает по датировке, и в целом подтверждает упомянутое выше сообщение Рашид ад-Дина. Сразу после возвращения Масуд-бека из Ильханата Борак начал с Кайду переговоры о возможности начала войны с Абагой.

Кайду согласился и предоставил Бораку военную помощь. Последующее повествование в целом достаточно близко к описанию Рашид ад-Дина. Однако оно содержит два важных отличия. Во-первых, Вассаф датирует вторжение Борака в Хорасан 1268 годом. Подробности хронологии дальнейших событий автор уточняет. Только смерть Борака он напрямую датирует августом 1270 года. Во-вторых, Вассаф не приводит каких-либо намеков на сложную дипломатическую игру, ключевую роль в которой играл джучидский хан Менгу-Тимур. Он не упоминает про изначальные планы Кайду обмануть Борака и вернуть предоставленные ему в помощь силы. Ничего не говорит он также про роль улуса Джучи в планах Некудера и про военную хитрость Абаги, которая, согласно Рашид ад-Дину, была полностью построена на уверенности Борака в том, что джучидское вторжение в Ильханат должно состояться (Geschichte Wassaf's 1856: 126-136).

Можно выделить следующие противоречия в текстах Рашид ад-Дина и Вассафа.

- Время проведения – 1267 или 1269 год.
- Место проведения – Катванская степь недалеко от Самарканда и долина Таласа.
- Участники – Кайду и Борак либо Кайду, Борак и Беречар.
- Отношения между сторонами – Кайду и Джучиды в состоянии вражды и Кайду и Беркечар составляют альянс против Борака.

В то же время в труде Рашид ад-Дина есть и другие упоминания об этих событиях.

В «Рассказе о приезде Масуд-бека…» говорится, что «в упомянутую зиму» (судя по дальнейшему описанию, в конце 1267 года) он прибыл в Иран от Кайду и Борака. Официальной целью визита был «расчет по их владениям инджу», то есть получение доходов с их владений в Ильханате. Масуд-бек был принят с почестями: облачен в халат, полагающийся Чингизиду, и посажен выше большинства эмиров. Просьба о выплатах была удовлетворена ильханом Абагой. Расчет доходов с инджу длился неделю, после чего Масуд-бек спешно уехал, воспользовавшись подготовленным заранее путем для бегства и свежими сменными лошадьми. Спустя день после его отъезда Абага узнал о подходе к Амударье вражеской армии. Он отправил погоню за Масуд-беком, но тот успел перейти реку.

Абага направился в Хорасан и провел зиму в Мазандеране. Там он узнал о приближении «обоза Хулагу-хана». Речь идет о ставках Хулагу, которые были оставлены им в Монголии перед началом вторжения в Иран и Ирак. Их возглавляла жена Хулагу Кутуй-хатун, среди прибывших в том числе была и мать Абаги Йисуджин-хатун. Обоз прибыл в Мазандеран к Абаге 7 февраля 1268 года. Весной 1268 года ильхан вернулся из Хорасана. Зиму 1268-1269 годов он провел на реке Чагату, где располагалась одна из зимовок ильханов Ирана. Лето 1269 года Абага провел в Аладаге и Сияхкухе, зимой 1269-1270 он находился в Аране, а летом 1270 года началось вторжение Борака в Хорасан (Рашид ад-Дин 1946: 68-69; Thackston 1998-1999: 519). Источник, на который в данном случае опирался Рашид ад-Дин, был сосредоточен на сезонных передвижениях Абаги, а остальные события лишь вписывал в их контекст. Однако, это описание ценно тем, что дает очень четкую хронологию событий, исходя из которой можно заключить, что в конце 1267 года Борак и Кайду действовали совместно, как официальные союзники.

Возникшие противоречия может решить еще одно описание этих событий у Рашид ад-Дина, содержащееся в рассказе о потомках Чагатая. Это сообщение очень четко описывает последовательность событий: «Сначала Борак потерпел поражение, они во второй раз приступили к сражению. Кипчак-Огул, сын Кадан-Огула сына Угедей-[каана], у которого была дружба с Бораком, примирил их и устроил между ними союз и договор. Они побратались друг с другом. Борак, став уверенным и обеспеченным также и с его стороны, укрепился на престоле Чагатая. Устроив после этого курилтай, он сказал Кайду: «Наши войска увеличились, и эти области не могут выдержать их [содержания], я переправлюсь через реку, чтобы забрать область Хорасана: нужно, чтобы анда Кайду оказал мне помощь» (Рашид ад-Дин 1960: 98; Thackston 1998-1999: 377).

Здесь источник четко разделяет две встречи. Первая состоялась после поражения Борака. На ней он и Кайду стали названными братьями. Согласно Вассафу, это Катванский курултай 1267 года, где царевичи облачились в одежды друг друга. По древнему кочевому обычаю это означало то, что они стали «анда» - названными братьями. Вторая встреча – курултай, на котором принималось решение о вторжении в Ильханат, то есть Таласский курултай 1269 года. Особого противоречия здесь нет, так как Вассаф передает ту же последовательность событий: решения о разделе Мавераннахра между Бораком и Кайду и о вторжении в Хорасан были приняты в разное время. Просто при описании последних переговоров автор не сообщает о личной встрече царевичей.

Интересная информация содержится в биография Тэрела в «Юань ши». Ее герой специализировался на дипломатических миссиях от Хубилая в улус Джучи. К сожалению, в

его биографии приводятся подробности только первого его посольства к Менгу-Тимуру, которое ориентировочно можно датировать 1266-1267 годом. Согласно источнику, после того как «Кайду взбунтовался», Хубилай и его окружение решили отправить посла к Менгу-Тимуру. Выбор пал на Тэрела, который происходил из династии чиновников, управляющих джучидскими владениями в Северном Китае. По пути в улус Джучи посольство Тэрела посетило Кайду с целью разведки, и было принято весьма радушно. Затем Тэрел добрался до улуса Джучи, и сообщил Менгу-Тимуру о цели своего визита. Джучидский хан отвечал: «Дедушка дал наказ, и пойманных бунтовщиков мы будем казнить. Если не следовать добрым отношениям, поднимать войска, навлекая [на себя] кару Неба, то мы как раз и подвергнемся внезапному нападению извне, и без труда будем уничтожены без остатка!» (Храпачевский 2009: 246-248).

Это сообщение подтверждает факт напряженных отношений между Кайду и Менгу-Тимуром в этот период, о которых сообщал Вассаф. Более того, формально уже в это время Менгу-Тимур признавал Хубилая кааном и, по крайней мере, на словах был готов исполнять его приказы по борьбе с бунтовщиками, то есть с Кайду. Источник четко фиксирует разные статусы Менгу-Тимура и Кайду в отношениях с Хубилаем. Кайду – «мятежник», а Менгу-Тимур – «ван», то есть представитель «золотого рода», подчиненный верховному правителю.

Согласно сообщению «Юань ши» в параграфе «Си бэй ди»: «У царевича Хайду была ставка в Алимали (Алмалыке) и в других городах. В 6000 ли северо-западнее Шанду (летняя ставка Хубилая) находится Пятиградье вэйур (уйгурский Бешбалык). В 4-5 тысячах ли западнее расположен Алимали. В 1268 году Хайду поднял мятеж и пошел со своим войском на юг (точнее, на восток). Ши-цзу (Хубилай) отбил его наступление около Бэйтина (Бешбалыка). Хайду преследовали до Алимали, пока император не приказал прекратить погоню. В эти дни он назначил главнокомандующим войсками в Алимали царевича Бэйпин-вана (сын Хубилая Номуган). Последнему помогал министр Аньдун» (Бретшнейдер 2018: 97).

Обсуждение

Судя по всему, Кайду захватил у Чагатаидов Алмалык сразу после смерти Алгуя в 1265 году. В 1266 году он совершил рейд на восток, но, столкнувшись с сыном Хубилая Номуганом, вынужден был отступить на юго-запад. Датировка этого вторжения в «Юань ши» 1268 годом неверна, так как полностью выбивается из всей хронологии последующих событий. В это время Кайду воевал с Бораком и армией Менгу-Тимура в Мавераннахре. В то же время, согласно «Анналам Хубилая» в «Юань ши» Номуган стал ваном Бэйпин («принцем умиротворения севера») 9 июля 1266 года (Храпачевский 2019: 129). Соотнесение датировки получения Номуганом титула «ван Бэйпин» и времени неудачного вторжения Кайду в землю уйгуров позволяет заключить, что он был выбит из Алмалыка уже в 1266 году. Вероятно, именно поэтому, согласно Вассафу, он начал войну с Бораком, выдвинувшись из «Таласа и Кунджека», а не из Алмалыка, откуда он вытеснил Чагатаидов, или Каялыка, который был центром его владений со времен Менгу. В 1267 году Борак проиграл битву Кайду, и на Катванском курултае заключил с ним крайне невыгодный для себя мир, который включал раздел Мавераннахра. Но

вскоре Кайду вынужден отвести войска от Бухары из-за появления армии Менгу-Тимура. Судя по всему, речь идет о пятидесятитысячном корпусе Беркечара. Недовольство улуса Джучи решениями Катванского курултая было вполне естественным. Ведь Мавераннахр являлся регионом, традиционно входившим в джучидскую сферу влияния. К тому же сформировавшийся в 1267 году союз Угедеидов и Чагатаидов под лидерством амбициозного Кайду представлял для Менгу-Тимура серьезную опасность.

Описывая события, Вассаф игнорирует Таласский курултай именно как встречу царевичей, говоря лишь об обращении Борака к Кайду. Это приводит к сбою в хронологии событий. Рашид ад-Дин, в свою очередь, умалчивает о первоначальной враждебности между Менгу-Тимуром и Кайду и о фактическом захвате последним Мавераннахра. По этой причине сложно сказать, как стороны пришли к необходимости второго курултая. Неясно, как выстроились отношения Кайду и Беркечара, и было ли второе сражение с Бораком. Но можно с уверенностью утверждать, что решения Таласского курултая были для Менгу-Тимура крайне выгодны. Ему удалось невоенным способом вытеснить из региона такого мощного и опасного противника как Борак. Более того, Беркечар и Кайду сумели направить его против их общего врага Абаги.

Рассказ Рашид ад-Дина ясно описывает ситуацию как масштабную политическую интригу, организованную Менгу-Тимуром и Кайду с целью устранить из Мавераннахара опасного конкурента – Борака. Ключевым результатом переговоров на Таласском курулте было невоенное выдавливание из региона мощного противника и перенаправление его агрессии вовне. Судя по многочисленным оговоркам Рашид ад-Дина, никто изначально не собирался исполнять взятые перед Бораком обязательства. Кайду изначально готовил уход Чапата и Кыпчака от Борака еще перед вторжением в Хорасан. При этом, покинув армию, Кыпчак в первую очередь известил об этом Абагу. Судя по всему, Менгу-Тимур также должен был предпринять определенные действия в поддержку Борака.

Готовность Некудера уйти из Грузии на территорию улуса Джучи говорит о том, что на тот момент он, как минимум, считал Менгу-Тимура союзником. В то же время, Борак и его окружение были абсолютно уверены в том, что Абага не может покинуть Южный Кавказ и вместе с основными силами прийти в Хорасан. Когда же выяснилось, что это все-таки произошло, Борак легко поверил в то, что информация о вторжении армии Менгу-Тимура правдива – что, собственно, и привело его к катастрофе. Эта убежденность Борака, вероятнее всего, может быть объяснена существованием заключенных на курултае договорённостей с Менгу-Тимуром, близких по содержанию с теми, в соответствии с которыми Кайду перед вторжением предоставил ему помощь.

В действительности, всё, что известно о решениях и статусе Таласского курултая, не позволяет предположить, что они имели столь глобальный характер. При этом есть ряд фактов, не вписывающихся в общепринятую трактовку событий. Согласно Рашид ад-Дину, сразу после победы в Герaтской битве Абага получил официальный ярлык на правление от Хубилая. Вторая официальная интронизация Абаги состоялась 27 ноября 1270 года. На празднества по случаю этого события прибыло посольство из улуса Джучи, от Менгу-Тимура. Послы, выразившие поздравления и доставившие подарки, были приняты очень радушно.

В другом месте Рашид ад-Дин говорит о пожаловании новым кааном улусов Абаге и Менгу-Тимуру, как о событиях, произошедших практически одновременно: «он назначил

Абагу, старшего сына Хулагу, на место [его] отца во главе монголов и таджиков иранской земли, а улус Берке пожаловал Менгу-Тимуру» (Рашид ад-Дин 1960: 168; Thackston 1998-1999: 435).

Три сообщения: об одновременном пожаловании Хубилаем ярлыков Абаге и Менгу-Тимуру, о времени пожалования ярлыка Абаге (осень 1270 года) и о торжественном посольстве Менгу-Тимура в Ильханат с поздравлениями по поводу пожалования ярлыка Абаге, позволяют сделать вывод о том, что хан улуса Джучи получил инвестору от каана примерно в то же время. Этот вывод подтверждается и статусом Менгу-Тимура в «Биографии Тэрела», где он в качестве подчиненного Хубилаю «вана» противопоставляется «мятежнику» Кайду. Очевидно, что этот его статус не мог быть утвержден в ходе первого посольства Тэрела в 1266-1267 году, основной целью которого было налаживание отношений с новым ханом улуса Джучи. Вероятно, ярлык Менгу-Тимуру был выдан Хубилаем так же как и Абаге после окончательного решения проблемы, которую создавал Борак.

Об определенных изменениях в легитимации власти Менгу-Тимура в начале 70-х годов может свидетельствовать джучидская нумизматика. Во-первых, в начале 70-х годов прекращается чекан монет с тамгой Менгу-Тимура и легендой «Главная тамга», которую А.З. Сингатуллина рассматривала, как выражение «антимонгольских настроений джучидского хана» (Сингатуллина 2003: 33; Бугарчев, Степанов 2022: 11).

Во-вторых, известна монета 672 г.х. (1273-1274 год), чеканенная в Кутлуг-кенде, на лицевой стороне которой изображен китайский иероглиф «цзи», а под ним тамга Менгу-Тимура. Иероглиф «цзи» указывал на то, что чекан осуществлен по повелению лица, имеющего высокий статус в иерархии правящего рода, но не самого императора, чекан которого обозначался иероглифом «бао». Р.Ю. Рева уравнивает значение легенды «Главная» или «Высочайшая тамга» на булгарских монетах и иероглифа «цзи» на монете Кутлуг-кенда, как указание на высшее положение Менгу-Тимура в собственном государстве. При этом автор указывает на то, что он «далек от мысли, что Менгу-Тимур мог считать себя равным по статусу Великому каану» (Рева 2013: 4-6).

Принять эту версию достаточно сложно. Тамга – это изначально знак собственности (Петров 2003: 170). В истории чингизидской нумизматики есть масса примеров того, как владельцы улусов были и статусно, и в реально-политическом плане (то есть даже не имели полного реального суверенитета) подчинены более крупному правителю, но при этом размещали на чеканенных в их владениях монету свою тамгу и иногда даже свое имя. Само по себе наличие тамги на монетах не отрицало подчинение ее владельца старшему в иерархии правящего рода лицу. Поэтому указание «Главная» или «Высочайшая» рядом с тамгой Менгу-Тимура, отражающее ее верховный характер, действительно может рассматриваться как заявка на статусную самостоятельность джучидского хана. Но, иероглиф «цзи» рядом с тамгой Менгу-Тимура вполне можно воспринять, как знак его включенности в имперскую иерархию, как лица подчиненного каану. Ведь именно как «ван», признающий власть «императора» он фигурирует в биографии Тэрела.

Конечно, не стоит переоценивать реальных политических последствий этого юридического факта. Он позволял Менгу-Тимуру и Абаге укрепить уже занятые ими позиции во власти улусов и никак не снимал фактические противоречия, накопившиеся между чингизидскими семьями, которые периодически толкали их к войне. Но, в тоже время он говорит о том, что отсылки к единству империи, пусть и формальные, были еще крайне

актуальны для легитимности региональных ханов.

Судя по ряду косвенных признаков, Хубилай оказывал серьезное влияние на переговорный процесс между Менгу-Тимуром, Кайду и Абагой в этот период. По мимо миссии Тэрела им было отправлено посольство к Абаге. Рашид ад-Дин говорит о гонце Хубилая Текечеке, который был отправлен им к Абаге, попал в плен в Бораку, но все же смог бежать и добрался до ильхана весной 1270 года.

Примечательно, что позиция Кайду по отношению к Хубилаю и Абаге не была абсолютно однозначной. Обращает на себя внимание личность Кыпчака, который со стороны Кайду осуществлял взаимодействие с Бораком – как для организации курултая в Катване (согласно Вассафу), так и для организации Таласского курултая (согласно Рашид ад-Дину). Кыпчак был сыном Кадана, одного из вернейших сторонников Менгу и Хубилая со стороны Угедеидов. Кадан поддержал Менгу на курултае 1251 года, и получил от него во владение Бешбалык. Он участвовал в покорении Южного Китая, поддерживал интронизацию Хубилая, сражался с войсками Ариг-Буги и участвовал в суде над ним и его сторонниками. Согласно Рашид ад-Дину, его и Борака некогда связывали дружеские отношения. Но они могли возникнуть только в Китае, куда был сослан отец Борака, и где он сам служил в ставке Хубилая до своей отправки в улус Чагатая. Каким образом сын Кадана мог оказаться в окружении Кайду?

Не менее интересна личность Чапата, которого Кайду вместе с Кыпчаком отправил на помощь к Бораку. Его отец, сын Гуюка Наку, так же был направлен в Южный Китай после прихода к власти Менгу. Согласно Рашид ад-Дину, в 1264 году, после суда над Ариг-Бугой Хубилай отправил в Туркестан Хоку, Чапата, сына Карачара Кутуку и еще нескольких других царевичей (Рашид ад-Дин 1960: 166; Thackston 1998-1999: 434). Сложно сказать, как недавние подчиненные Хубилая оказались в рядах сторонников Кайду. Вероятно, это произошло в ходе его рейда на восток и нападения на Бешбалык в 1266 году. Но важно то, что Кайду отправил на помощь к Бораку максимально лояльных к Толуидам потомков Угедея. И более того, благодаря контактам Кыпчака с Абагой, он вскоре заключил мир с Ильханатом.

Заключение

Во второй половине 60-х годов в Центральной Азии произошло два курултая. Первый состоялся в Катване в 1267 году. На нем было зафиксировано поражение Борака и доминирование Кайду в Мавераннахре.

Формально на Таласском курултае 1269 года участники действительно не признавали верховную власть Хубилая, рассматривая его как равного им хана. Они приняли решение о разделе Мавераннахра в пользу Борака. Его позиции в регионе в сравнении с решениями Катвана сильно улучшились. Также было принято решение о совместном вторжении в Ильханат.

Но в реальности ни Менгу-Тимур, ни Кайду не собирались исполнять взятые на себя обязательства. Борак остался один и проиграл.

Соотношение сообщений из биографии Тэрела и из труда Рашид ад-Дина о торжественном посольстве Менгу-Тимура по случаю официальной интронизации Абаги и об одновременном получении ярлыков от Хубилая Менгу-Тимуром и Абагой может говорит о том, что хан улуса Джучи также как и глава Ильханата получил официальное признание

от каана после разгрома Борака.

Статус Менгу-Тимура как «вана» подчиненного «императору» из биографии Тэрела может быть соотнесен с легендой монеты Кутлуг-кенда, на которой джучидская тамга расположена под иероглифаом «цзи».

Миссия Тэрела и сообщение Рашид ад-Дина о гонце Хубилая к Абаге, прибывшем в Ильханат перед Гератской битвой указывают на то, что именно усилия каана привели к тому, что решения Таласского курултая формально крайне успешные для Борака, привели к его политическому краху.

Список литературы

Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: the Mamluk-Īlkhānid War, 1260-1281.* Cambridge: Cambridge University Press. 1995. 272 p.

Biran M. *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia*. Richmond: Curzon, 1997. 197 p.

Biran M., Landa I. The Chinggisid Crisis of the mid-fourteenth century: reasons and consequences. *Journal of the Royal Asiatic Society.* 2024. No.35(1), pp.1-21.

Bodin J. *Book 1. Six Books of the Commonwealth. Les six livres de la République.* Abridged and translated by M. J. Tooley. Oxford: Basil Blackwell Oxford. 1955. 847 p.

D'Ohsson Constantine M. *Histoire des Mongols depuis Tchinguis Khan jusqu'a Timour Bey.* The Hague. 1834-35. Vol. III. 567 p.

Geschichte Wassaf's. *'Abd Allāh ibn Faẓl Allāh Vaṣṣāf al-Ḥaẓrat J. Hammer-Purgstall.* Wien. Hofund Staatsdruckerei. 1856. 646 p.

Pfeiffer J. Aḥmad Tegüder's Second Letter to Qalā'ūn (682/1283). *History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East:* Studies in Honour of John E. Woods, Wiesbaden, Harrassowitz. 2006. Pp.165-194.

Thackston T.M. *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols.* Thackston, Wheeler M. (tr.). Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations. 1998-1999. xliv + 819 p.

Бартольд В.В. *Очерк истории Семиречья.* Фрунзе: Киргизгосиздат. 1943. 104 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, часть 2. *Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии.* Москва. 1964. 657 с.

Бретшнейдер Э.В. *Азия и Европа в эпоху средневековья: сравнительные исследования источников по географии и истории Центральной и Западной Азии XIII-XVII веков (послесл. И.В. Кучумова).* Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Ин-та истории АН Респ. Татарстан; Региональное отд-ние Рус. геогр. о-ва в Респ. Башкортостан. СПб.: Свое издательство. 2018. 280 с.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. О булгарских монетах Менгу-Тимура с титулом «ан-Насир ли-дин Аллах» (1266-1272). *Археология Евразийских степей.* 2022. No.6, с.8-13. https://doi. org/10. 24852/2587-6112.2022.6.8.13

Караев О.К. *Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа.* Бишкек: Кыргызстан. 1995.160 с.

Петров П.Н. Тамги на монетах монгольских государств XIII-XIV вв. как знаки собственности В: *Труды международных нумизматических конференций "Монеты и денежное обращение*

в монгольских государствах XIII-XV веков". 2003. С.170-177.

Почекаев Р.Ю. *Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды.* СПб.: Евразия. 2010. 406 с.

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей.* Т. III. Москва-Ленинград.: Издательство Академии наук СССР. 1946. 316 с.

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей.* Т. II. Москва-Ленинград.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 214 с.

Рева Р.Ю. *Новые данные о монетах Кутлугкенда, Сарая, Хорезма и других монетных дворов 70-х гг. XIII в.* Эпиграфика Востока XXX. Москва. 2013 г. С. 266-287.

Сафаргалиев М.Г. *Распад Золотой Орды.* Ученые записки Мордовского госуниверситета. Вып. XI. Саранск: Мордовское книжное издательство. 1960. 278 с.

Сингатуллина А.З. *Джучидские монеты поволжских городов XIII века.* Казань: Заман. 2003. 192 с.

Султанов Т.И. *Чингиз-хан и Чингизиды*. Судьба и власть. Москва: АСТ. 2006. 446 с.

Храпачевский Р.П. *Золотая Орда в источниках.* Т. 3. Китайские и монгольские источники. ЦИВОИ. Москва. 2009. 336 с.

Храпачевский Р.П. *«Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань*. Москва. 2019. 746 с.

References

Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: the Mamluk-Īlkhānid War, 1260-1281.* Cambridge: Cambridge University Press. 1995. 272 p. (In English)

Biran M. *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia.* Richmond: Curzon. 1997. 197 p. (In English)

Biran M., Landa I. The Chinggisid Crisis of the mid-fourteenth century: reasons and consequences. *Journal of the Royal Asiatic Society.* 2024. No.35(1), pp.1-21. (In English)

Bodin J. Book 1*. Six Books of the Commonwealth = Les six livres de la République*. Abridged and translated by M. J. Tooley. Oxford: Basil Blackwell Oxford. 1955. 847 p. (In English)

D'Ohsson, Constantine M. *Histoire des Mongols depuis Tchinguis Khan jusqu'a Timour Bey.* The Hague. 1834-35. Vol. III. 567 p. (In French)

Geschichte Wassaf's. *'Abd Allāh ibn Faẓl Allāh Vaṣṣāf al-Ḥaẓrat J. Hammer-Purgstall. Wien.* Hofund Staatsdruckerei. 1856. 646 p. (In German and Persian)

Pfeiffer J. *Aḥmad Tegüder's Second Letter to Qalā'ūn (682/1283). History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East:* Studies in Honour of John E. Woods, Wiesbaden, Harrassowitz. 2006. Pp.165-194. (In English)

Thackston T.M. *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols.* Thackston, Wheeler M. (tr.). Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations. 1998-1999. xliv + 819 p. (In English)

Bartold V.V. *Ocherk istorii Semirechia.* Frunze: Kirgizgosizdat, 1943. 104 p. (In Russian)

Bartold V.V. *Sochineniia.* Volume II, part 2. Works on separate problems of the history of Central Asia. Moscow. 1964. 657 p. (In Russian)

Bretschneider E.V. *Aziia i Evropa v epokhu srednevekovia: sravnitelnye issledovaniia istochnikov po geografii i istorii Tsentralnoi i Zapadnoi Azii XIII-XVII vekov [poslesl. I.V. Kuchumova]*. Center for Research of the Golden Horde and Tatar Khanates named after M.A. Usmanov of the Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Regional Department of the Russian Geographical Society in the Republic of Bashkortostan. St. Petersburg: Own Publishing House.

2018. 280 p. (In Russian)
Bugarchev A.I., Stepanov O.V. O bulgarskikh monetakh Mengu-Timura s titulom «an-Nasir li-din Allakh» (1266-1272). *Archaeology of the Eurasian Steppes.* 2022. No.6, pp.8–13. DOI: https://doi. org/10. 24852/2587-6112.2022.6.8.13 (In Russian)
Karaev O.K. *Chagataiskii ulus. Gosudarstvo Khaidu. Mogulistan*. *Obrazovanie kyrryzskogo naroda.* Bishkek: Kyrgyzstan. 1995.160 p. (In Russian)
Petrov P.N. Tamgi na monetakh mongolskikh gosudarstv XIII-XIV vv. kak znaki sobstvennosti. In: *Proceedings of the international numismatic conferences "Coins and currency circulation in the Mongol states of the 13th-15th centuries*". 2003. Pp.170-177. (In Russian)
Pochekaev R.Yu. *Tsari Ordynskie. Biografii khanov i pravitelei Zolotoi Ordy.* St Petersburg: Eurasia. 2010. 406 p. (In Russian)
Rashid ad-Din. *Sbornik letopisei.* Vol. III. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946. 316 p. (In Russian)
Rashid ad-Din. *Sbornik letopisei.* Vol. II. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1960. 214 p.
Reva R.Yu. *Novye dannye o monetakh Kutlugkenda, Saraia, Khorezma i drugikh monetnykh dvorov 70-kh gg. XIII v.* Oriental Epigraphy XXX. Moscow. 2013. Pp.266-287. (In Russian)
Safargaliev M.G. Raspad Zolotoi Ordy. *Scientific Notes of Mordovia State University*. Issue XI. Saransk: Mordovia Book Publishing House, 1960. 278 p. (In Russian)
Singatullina A.Z. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII veka*. Kazan: Zaman. 2003. 192 p. (In Russian)
Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sudba i vlast.* Moscow: AST, 2006. 446 p. (In Russian)
Khrapachevsky R.P. *Zolotaia Orda v istochnikakh. Vol. 3. Chinese and Mongolian Sources*. TsIVOI. Moscow. 2009. 336 p. (In Russian)
Khrapachevsky R.P. *Annaly Khubilaia», glavnyi istochnik po istorii pravleniia pervogo imperatora dinastii Iuan.* Moscow. 2019. 746 p. (In Russian)

Information about authors

Artem Aleksandrovich Porsin – Candidate of Historical Sciences, chief researcher, at the Republican State Enterprise on the Right of Economic Management "Research Institute for Jochi Ulus Studies" of the Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, 15B Aleksandr Pushkin Street, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0009-0008-4517-5265

Авторлар туралы мәліметтер

Артём Александрович Порсин – тарих ғылымдарының кандидаты, бас зерттеуші, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты» шаруашылық жүргізу құқығындағы РМК бас ғылыми қызметкері, А. Пушкин көшесі, 15Б үй, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0009-0008-4517-5265

Сведения об авторах

Артём Александрович Порсин – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи» КН МНВО РК, ул. Александра Пушкина, дом 15Б. Астана, Казахстан, https://orcid.org/0009-0008-4517-5265

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.04.2025
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 02.05.2025.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.09.2025